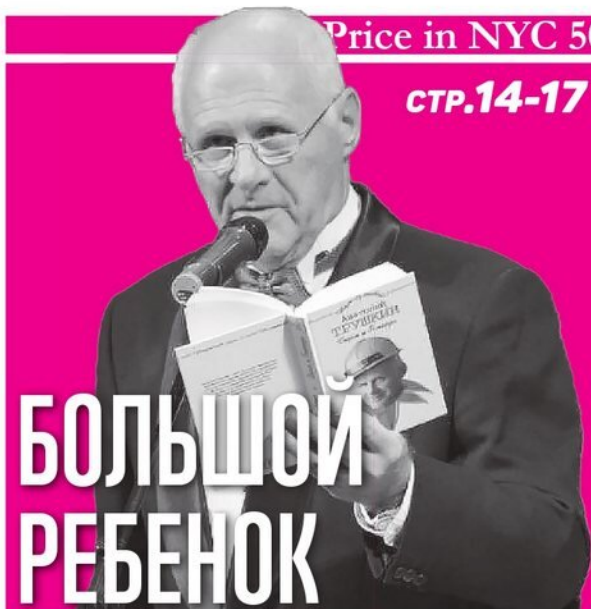

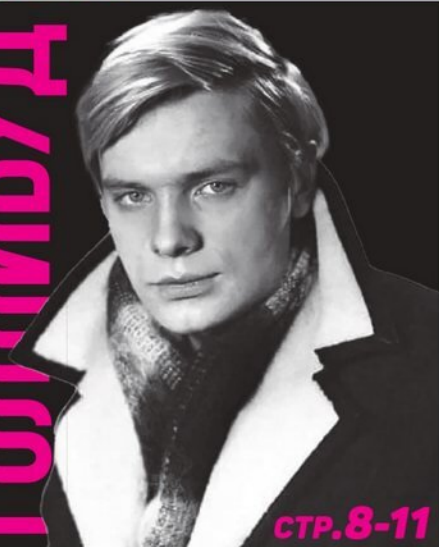
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

БОЛЬШОЙ РЕБЕНОК

ПОБЕГ В ГОЛЛИВУД

СТР.8-11

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№22 (155)
ИЮНЬ 2023

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ФЕСТИВАЛЬ ПОЛЬСКОГО КИНО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В НЬЮ-ЙОРК

СТР.6

2023
New York
Polish Film
Festival

SCANDINAVIA HOUSE
& ONLINE EDITION

JUNE 9-11
& JUNE 13-30

СТР.7

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТЫ

ГЕНИЙ С ПРОВИАНТСКОЙ

Если мне не изменяет память, то я познакомился с Лёньчиком в Одессе в 1978 году. Не спорьте! В Одессе это имя обязательно пишут с мягким знаком.

Алекс Сино

Жизнь в те годы была проще нынешней: машина, дача на Фонтане, югославская дубленка и квартира в центре города выделяли «центрового» одессита из серой толпы жителей окраин, приехавших в Одессу из близлежащих сёл. А знакомство с городским милицейским начальством (особенно ценился начальник ГАИ майор Пробиоти) придавало одесситам замечательный ореол эксклюзивности и сладкую иллюзию вседозволенности.

В один из теплейших весенних дней, когда в Одессе цветёт акация, жасмин и «кашка», а в воздухе пахнет наступающим летом, меня в районе вокзала тормознул гаишник-лейтёха. Я, торпливо, сунув ему в руку трёшку, объяснил, что знаю самого майора Пробиоти. Лейтёха, незаметно взял деньги, недоверчиво покосился на мой водительский талон, в котором уже имелись 2 «дырки» за нарушения, и плавно сунул талон в свой кожаный планшет.

«Я поговорю с майором, а вы позвоните в управление через пару дней», — сказал он и брезгливо махнул на меня грязноватой и облезлой деревянной палкой.

Через 3 дня я позвонил лейтенанту. Бесплезно — его не позвали к телефону. Я подехал к его посту на вокзале. На посту стоял молодой сержант. Подъехал к управлению. Тот же результат. Но если в Одессе не помогает прямой путь решения проблемы, то всегда ищут обходной путь или, как говорили в Одессе, «ищут, кому заплатить».

Я позвонил своему другу Янику Флому. В Одессе всегда был и не переведётся этот выдающийся тип вечного Одесского мальчика. Никто и никогда не видел Яника без укладки волос на «полупробор», сделанной на улице Садовой мастером Аlikом. С Аlikом мог сравниться только великий Ваня Штырёв, но дядя Ваня работал на ул. Тираспольской, а ездит на Тираспольскую модным одесским мальчишечком было «не фонтан». Яник был небольшого роста, но восполнял этот недостаток модными туфлями на каблукх и платформе. Он был идеально сложен и носил приталенные по фигуре дорогие белые сорочки. Костюм Яника дополняли шитые на заказ брюки и мастера Сени Альпера и дорожный велюровый пиджак цвета забродившей вишни с золотым значком в виде Канадского кленового листа в петлице. За безукоризненный внешний вид, выходящий от природы волосы, вытянутые Аlikом, и за отменный нох, Янику дали кличку «эрдельтерьер». Естественно, Яник был не женат и жил с мамой в коммунальной квартире, но зато в самом центре — на Приморском бульваре.

Его знал весь город. Яник охотно делился своими обширными одесскими связями с друзьями, был при деньгах и любил с шиком гулять на крыше ресторана «Морвокзал». Надо отметить, что Яник принадлежал к распространённому одесскому типу сильно выпивающих евреев. Почти алкоголиков, но с аристократическими замашками. Обычно всё начиналось с рюмочки модного тогда отвратительно приторного Голландского яичного ликера Volla, а заканчивалось тяжёлыми напитками в кафе ресторана «Чёрное море» или на крыше Морского Вокзала у барменши тети Вали Троцкич.

Я без труда нашёл Яника у автоматов газированной воды напротив гостиницы «Лондонская». Яник внимательно выслушал меня и изрек:

— Тебя разведут на деньги. Раз менты зажали твой талон, то мы сделаем тебе новый. Жду тебя завтра возле 4-й Бани на Провиантской.

— Возле бани? — искренно удивился я. Мы же не в баню идем. Там живет мой друг Лёньчик. Я ему классных натурщиц привожу. Он — художник. Настоящий художник, а не халоймес с мастерских на Чкалова, 2. Если ты ему будешь в кайф, то он тебе твой талон нарисует так, что сам Пробиоти не отличит. Мы уже не раз с ним эту хохму пробавали.

— А сколько он берёт за работу? — Я же тебе сказал, что он художник, а не барыга. Посидим, покурим, выпьем, поговорим и если все будет в кайф, то он поможет тебе, как другу. А если что не так, то может быстро послать тебя на хер. Он такой! Так что «курить» принесу я, а ты позаботься о выпивке.

Лёньчик был парень примерно нашего возраста. Может быть, на пару лет старше. Худощавый, в выдвинутой виде зеленоватой майке и сандалиях. С горестно висящим носом и необыкновенно смешливыми и внимательными глазами. Мне показалось, что он нам не сильно обрадовался, но все же пригласил зайти. Я огляделся по сторонам. Лёньчик действительно был талантливым. Его картины были не похожи на халтурные церквушки и подделки из «Худсалона» на ул. Карла Маркса. Во всех картинах угадывалась какая-то необыкновенная сумасшедшая идея, а не просто изображение. Мне очень хотелось расспросить Лёньчика подробнее о его работах, но я боялся быть посланным на хер и доверился обстоятельству. О моём деле я тоже не рвался спрашивать. Мы мирно пустили по кругу папиросу и медленно разлили первую бутылку одесского вина «Алиготе» по стаканам. Яник раздобыл, его укладочка рассыпалась и Лёньчик с удовольствием чиркнул на обрывке обоев его нетрезвый профиль. После нескольких часов посиделок, мы начали расходиться. Лёньчик насмешливо посмотрел на меня, взял мой водительское удостоверение поднёс к глазам и зачем-то понохал.

— Приходи завтра. Нарисую тебе талон.

Он вышел с нами на улицу и зорко посмотрел по сторонам, чтобы его го-

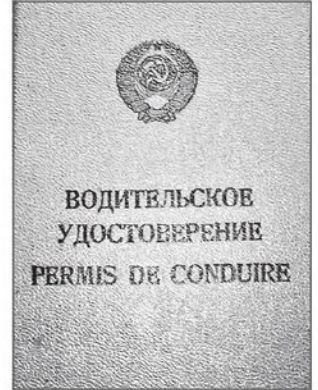
стей не обидели местные бандиты с Провиантской.

Мы попрощались. Я остановил такси и подвёз слабо соображающего Яника домой к маме.

Талон я получил на следующий день, но веселился не долго, недели две, до первого милиционера. Гаишник, оставивший меня, ошарашено посмотрел на мой удостоверение, на новенький талон, сравнил мою фамилию со списком, который достал из планшета и, ничего не объясняя, вызвал по рации наряд милиции. Меня повезли в обезьянник на ул. Советской Армии и приказали ждать. Через некоторое время ко мне наведёлся... кто бы вы подумали? Правильно! Сам майор Пробиоти! Он бросил милицейскую фуражку с высокой тульей, сшитой на заказ дядей Мишей Карпом с улицы Ленина, вытер пот со лба грязноватым платком и усталыми на меня своими слегка осоловевшими неприятными глазами.

Ситуацию он обрисовал не радостную — мой гаишник не просто так «зажал» мой талон и не выходил на связь. После встречи со мной он поехал отдохнуть на речку Туручук, где по пьяне утонул. В его рабочем столе нашли стопку изъятых талонов с пояснениями, сколько нарушители должны занести денег, кому именно и с кем из начальства этими деньгами надо поделиться. Понятно, что в этом списке «козырный» майор Пробиоти занимал не последнее место. Чтобы скандал не дошёл до большого начальства, ГАИ тихо отлавливала водителей из этого списка и проводила с ними душещипательные беседы. Кстати сказать, мой талон был четвертым или пятым в этом списке, что очень удивило майора, потому что он действительно не мог отличить фальшивый талон и свою подпись от настоящего. Пробиоти перепробовал все методы убеждения и угроз, чтобы я заложил, кто же сделал мне такой чудо талон, но я уперся и Лёньчика не сдал.

Вскоре после этих событий я уехал в Нью-Йорк, а Лёньчик в Москву и мы больше не встречались. Яник иногда присылал мне фотографии его проектов и картин, пронизанных каким-то скрытым «Лёньчиным» парадоксальным стёбом, грустью и иронией к окружающему миру, к себе, к своим

Водительский талон «дорогого Леониды Ильича» был без проколов

картинам и к своей музе с идеальной фигурой и растерянными бездонными глазами, которые всегда удивлялись происходящему на полотне.

В его работах я видел самого Лёньчика с его грустным носом, пронзительным и испытывающим взглядом и медлительными движениями человека, способного или помочь или быстро послать на хер.